
Виктор ЛОСЬ

ВЛАДИМИР ВЕРНАДСКИЙ VS. ДЕННИС МЕДОУЗ, или Социальный оптимизм против экологического реализма

Он уже плохо себя чувствовал: совсем недавно, в эвакуации, навсегда покинула этот мир его жена, с которой «душа в душу» прожили более полувека; и академик В. И. Вернадский так и не смог примириться с тяжелой утратой. Спасался, как всегда, непрерывной работой. В 1943 году, в самый разгар «разрушительной мировой войны», когда ее исход еще не был очевиден, он диктовал помощнице — ему уже трудно было удерживать перо: «Мы пошли по правильному пути, который отвечает ноосфере», и поэтому «можно смотреть на наше будущее уверенно». Статья вышла через год, в 1944-м, и это была последняя прижизненная его публикация.

...Весной 1972 года Деннис Медоуз, 30-летний сотрудник Массачусетского технологического института, одного из самых престижных технических учебных заведений США, руководитель небольшого исследовательского коллектива, презентовал в Вашингтоне доклад «Пределы роста», подготовленный под эгидой знаменитого теперь Римского клуба. Доклад — изложение результатов компьютерного моделирования последствий взаимодействия неуклонно растущего человечества и сокращения природно-ресурсного потенциала биосферы. Из представленных вариантов компьютерных моделей следовало, что примерно через столетие грядет, если не произойдет радикальных изменений в развитии глобального социума, «экологический коллапс», угрожающий реальному выживанию человечества.

Боливар не выдержит двоих

Всем, кажется, известна школьная премудрость на сообразительность: как перевезти в лодке на другой берег волка, козу и капусту, чтобы все «пассажиры» были в целостности и сохранности. Если не догадываетесь — посмотрите в конец сборника логических головоломок.

А если в качестве лодки считать нашу планету Земля? Именно в ее пределах (ведь «космическая экспансия» человека если теоретически и обосновывается, то практически по-прежнему далека от реальности) должно жить и выживать в пространственно-временной бесконечности все возрастающее человечество. При этом биосфера

Виктор Александрович Лось окончил Московский институт тонких химических технологий им. М. В. Ломоносова, аспирантуру Института философии АН, доктор философских наук, профессор, на протяжении многих лет — сотрудник гуманитарных институтов Академии наук: ИНИОН, ИСА, ИФАН и др. В настоящее время сотрудничает с факультетом глобальных процессов МГУ, фрилансер.

при всех возможностях современной агросферы испытывает все большее антропогенное давление. И без заманчивых графиков на мерцающих дисплеях компьютеров логически очевидно: экспоненциальный демографический рост в масштабах цивилизации с неизбежной непреложностью должен привести рано или поздно к опасной дестабилизации естественного равновесия исторических экосистем. И в этом смысле прав оказывается старик Мальтус, тень которого уже более двух столетий с удовлетворением наблюдает за воплощением своих предначертаний.

До сих пор не забыта книга американского биолога Рэйчел Карсон «Безмолвная весна» (Silent Spring, 1962), где описываются факты негативного воздействия пестицидов, в том числе и ДДТ, которые, с одной стороны, уничтожали вредителей сельскохозяйственных культур, а также переносчиков опасных для человека инфекций, а с другой – опасно накапливались в человеческом организме, обуславливали массовую гибель ряда биологических объектов, особенно птиц. И если в 60-х годах XX века американская общественность бурно реагировала на публикации подобного рода, вынуждая власти к принятию соответствующих решений, к примеру, ужесточению природоохранного законодательства, созданию контролирующих государственных структур – создание Агентства по охране окружающей среды (аналогичные тенденции отмечались и в условиях европейских стран), то постепенно пришли к компромиссу – к балансированию между интенсификацией аграрного сектора и *min* негативных экологических последствий.

Конечно, использование химических средств интенсификации сельскохозяйственного производства и активизации борьбы с его вредителями – обоюдоострый процесс: без их применения аграрный сектор теряет свою эффективность, а использование большинства из них способствует накоплению химических препаратов в живых организмах, включая и человека. Поэтому так непросто дался отказ от широкого практического применения ДДТ и замены его альтернативными веществами.

В общем интенсификация аграрного сектора, если не удастся использовать биологические средства защиты, то есть живых организмов для предотвращения или снижения потерь, которые могут быть нанесены урожаю вредителями, чревата в большей или меньшей степени негативными последствиями для природной среды, ухудшая качество жизни человека. А если добавить учет лишь базовых антропогенных факторов, влияющих на качество естественных экосистем, связанных с совокупностью производственно-хозяйственной и социокультурной деятельности глобального социума, то тренд на утрату биосферного равновесия при современной демографической экспансии представляется логическим и исторически обусловленным феноменом.

«Декада риска» (20–30-е годы XXI века)

В начале третьей декады XXI столетия вышли в свет несколько фундаментальных документов, в том числе и под эгидой ООН, в рамках которых анализировались ближнесрочные перспективы цивилизации в контексте экстраполяции современных глобальных тенденций. Прежде всего отметим две базовые проблемы, характеризующиеся высокой степенью риска, обуславливающие при этом возможности преодоления совокупности сложностей и противоречий мировой динамики.

Во-первых, реальные тренды современного экономического развития, свидетельствующие о заметном замедлении мировой экономики (2022 год: экономический рост в мире 3 %, 2023 – 1,9 %). Более того, аналитики предсказывают замедление темпов роста в развитых странах. К примеру, экономический рост в США снизился с 5,7 % в 2021 году до 1,8 % в 2022 году; в 2023 году, по прогнозам ООН, этот показатель должен составить 0,4 %. Ожидается, что рост ВВП Европейского союза составит в 2023 году

еще меньшую величину — 0,1 %. Аналогичная тенденция характерна и для экономики Китая, конкурирующей с американской экономической системой и выдерживающей тем не менее свои приоритеты. Если в 2021 году китайская экономика выросла на 8,4 %, то в 2022-м — 3 % (один из самых ее низких показателей последних десятилетий).

Во-вторых, обострение противостояния по линии «Запад—Восток» («Север—Юг»), между евро-атлантической цивилизацией и социокультурными структурами восточного типа, преимущественно конфуцианской и африканской цивилизациями. Если глобализация XX века стремилась преодолеть национально-региональные особенности мировой динамики под эгидой интегрально-целостной модели планетарного развития, то в XXI веке глобальные тренды реализуются в специфике национального развития, акценте на региональных особенностях, статусу которых придается особенное значение.

Турбулентность мировых процессов осложняет возведение «переправы» между bipolarными социокультурными системами, что отнюдь не способствует преодолению (или смягчению) глобальных экологических проблем, приближающихся к предельной степени риска. Вот острейшие из них.

Климатическое потепление. Тренд изменения климата уже на протяжении десятилетий вызывает острое беспокойство мирового общественного мнения.

Киотский протокол (1997) четко поставил задачу перед мировым сообществом (а его подписали практически все страны мира) стабилизировать уровень концентрации парниковых газов в атмосфере в таких масштабах, который не допускал бы опасного антропогенного воздействия на климатическую систему планеты. Впрочем, уже решения Парижского соглашения (2015) — не допустить увеличения средней температуры на планете более чем на 2 градуса к 2050 году, ограничив глобальное потепление 1,5 градуса к 2100 году, — не могут быть реализованы: к середине XXI века в среднем температура по миру, по прогнозам, увеличится на 2,7 градуса. Более того, реальные климатические изменения происходят динамичнее, а их последствия — драматичнее, чем предвиделось еще в конце XX века.

И пока речь идет не столько об экологических последствиях, к примеру об интенсификации процессов таяния арктических льдов, хотя это уже затрагивает экономические интересы группы стран: России, США, Китая и Норвегии, касающихся региональных природных ресурсов и стратегического присутствия. И если негативные природные явления антропогенного характера отчетливо проявляются лишь во временной перспективе, то социально-экономические последствия не заставляют себя долго ожидать.

Это касается, в частности, усиления поляризации стран мирового сообщества — развитого и развивающегося мира, дальнейшего разлома по линии «Север—Юг». Если развитые страны, особенно Евросоюза, активно реализовывали «зеленую повестку», неуклонно сокращая использование ископаемого топлива, то, напротив, развивающиеся страны, получая компенсацию за реализацию программ декарбонизации национальных экономик, тем не менее возвращаются к прежним масштабам использования угля, который еще недавно третировался как доминирующий источник парниковых газов. При этом надо иметь в виду, что «углеродный след», то есть выбросы парниковых газов развитых стран, в разы больше, чем соответствующие показатели развивающегося мира.

Поляризация мирового сообщества происходит и под дамокловым мечом климатического тренда. Ведь развивающиеся страны, особенно африканские — к югу от Сахары, находятся в существенной зависимости (в гораздо большей степени, чем, скажем, страны ЕС) от реальных природно-климатических процессов. В результате уже сегодня многие из них страдают от многолетней засухи, масштабы которой будут расширяться, обостряя и без того реальность трудностей продовольственного обеспе-

чения населения. И если средний евро-атлантический человек размышляет по поводу дилеммы: что такое съесть, чтобы похудеть, то африканец лишь мечтает о постоянной порции риса к ужину.

Более того, на одной из последних конференций ООН по климату (2022) ее участники так и не смогли согласовать дорожную карту постепенного отказа от использования ископаемых видов топлива. Очевидно, что большинство стран мирового сообщества ориентируется на решение тактических национальных экономических и социальных задач, оставляя преодоление трудностей стратегического масштаба следующим поколениям. Страны Юга хотели бы отказаться от доминанты хозяйственного использования органического топлива, чтобы преодолеть опасные климатические тренды, но без реальной поддержки стран Севера это вряд ли возможно в обозримое время.

В условиях, когда современная цивилизация не может реально остановить и в предвидимом будущем неуклонного возрастания температурного режима биосферы, социоприродная политика мирового сообщества все в большей степени склоняется не к регулированию планетарной температуры (что не поддается решению на современном управленческом и техническом уровнях), но адаптации глобального социума к функционированию в измененных температурных параметрах. Как говорят аксакалы: не можешь воспарить, как горный орел, — откажись.

Сокращение биоразнообразия. В процессе антропогенеза, в результате человеческой деятельности, исчезли (и исчезают сегодня) многие виды живых организмов.

Если не брать совсем уж давние времена, скажем вымирание биологических форм жизни в четвертичный исторический период, то лишь с начала XX века численность местных видов флоры и фауны в большинстве наземных ареалов в среднем сократилась, по меньшей мере, на 20 %. Сегодня на грани полного исчезновения находятся около 1 млн видов животных и растений, многие из них могут быть безвозвратно потеряны еще до конца XXI века. Специалистов беспокоит беспрецедентно быстрые темпы уменьшения биоразнообразия, что является объективным фактором тренда деградации исторически сложившейся биосферы, свидетельством ее постепенной утраты основной функции — поддержания жизни в планетарных условиях.

При этом нарушаются базисные экологические цепочки, играющие немаленькие роли в современном сельскохозяйственном процессе. Казалось бы, незаметны божьи коровки, но именно про эти милые существа сложилась детская песенка:

Божья коровка,
Полети на небо,
Принеси нам хлеба,
Черного и белого,
Только не горелого.

Дети, помнится, ее распевали, держа коровку на открытой ладонке, отпуская на свободу и даже не задумываясь, конечно, что это безобидное на первый взгляд насекомое — активный хищник, уничтожающий с большим аппетитом тлей и клещей — аграрных вредителей. Не будет божьей коровки — возникнут трудности с производством не только белого хлеба, но и хлеба вообще. И быть может, наши потомки будут несказанно рады и натуральному горелому хлебу...

Иначе говоря, исчезновение живых организмов, помимо экологического, имеет и существенный социальный контекст. Сохранение традиционного биоразнообразия — важнейшее условие поддержания стабильности мирового продовольственного обеспечения, рационализации питания в мире, повышения человеческого благосостояния. Об этом постоянно говорят со многих важных трибун, к примеру на Конференции ООН по биоразнообразию (Монреаль, декабрь 2022).

На ее полях в очередной раз подтверждалась реальность опасного мирового тренда: в течение двух десятилетий XXI века уже исчезло около 150 пород домашнего скота. В целом мировое животноводство в основном держится сейчас на 40 видах животных, обеспечивающих человека необходимыми продуктами питания. Мировое поголовье, несмотря на снижение темпов прироста прошлых лет, тем не менее растет, усиливается тенденция сокращения разнообразия флоры. Более того, примерно из 6 тыс. видов съедобных растений активно используются для производства продовольствия менее 200.

При этом эксперты с тревогой сообщают о тенденции относительного истощения естественных ресурсов (растительных продуктов дикой природы, истощения рыбных запасов, утрате необходимых почвенных организмов и др.). Многие из них с беспокойством замечают сокращение лесных покровов, масштабы эрозии сельскохозяйственных угодий.

По данным ООН, в настоящее время доля деградировавших земель на планете составляет 40 %, что реально обуславливает стратегическое сокращение биоразнообразия, ставит под угрозу перспективы позитивного решения мировой продовольственной проблемы, усугубляет негативные климатические тренды. Иными словами, глобальные социоприродные системы, испытывая все большие антропогенные нагрузки, приближаются к состоянию утраты исторически сложившегося равновесия отношения «человек — биосфера».

Covid-19. Пандемия не только выявила и обострила противоречия современного развития цивилизации, но и показала направления ее конструктивного динамизма.

Пандемия оказалась неожиданным драматическим сюрпризом для глобального социума с существенными негативными последствиями: миллионы смертей по всему миру, особенно в развивающихся странах; серьезный мировой экономический спад, не позволяющий финансировать в прежнем объеме фундаментальные проекты в социальной сфере, в том числе и природоохранной направленности. И эти тренды отнюдь не способствуют улучшению и без того сложной мировой социально-экологической ситуации.

В сущности, мировая система здравоохранения оказалась не готова к испытаниям подобного масштаба: большинство стран мирового сообщества не смогли первоначально дать адекватного ответа на вызовы пандемии; и лишь спустя время, что стало роковым для немалого числа людей, национальные медицинские системы смогли разработать и эффективно реализовать антиковидную стратегию.

Вместе с тем выяснилось, что пандемия способствует усугублению сложившейся дифференциации стран по линии «Север—Юг». Если население развитых стран получало вакцинацию в предельно доступных масштабах, то в большинстве развивающихся стран — по остаточному принципу. И это обусловило дальнейшую поляризацию мирового сообщества по степени доступности вакцинации населения и преодоления последствий ковида, а значит, и по степени экономической реанимации, обуславливающей трудности финансирования в прежних масштабах и национальных экологических проектов.

Как показывает анализ специалистов, локдаун имеет двойственные последствия.

С одной стороны, очевидно, что снижение мирового экономического динамизма и даже экономическая стагнация, приведшая к свертыванию производственно-хозяйственной деятельности в планетарных масштабах и самоизоляции больших групп населения, стали существенным фактором если не радикального улучшения мировой социально-экологической ситуации, то ее определенной стабилизации, и уже точно — не ухудшения. Как говорят аксакалы: не было бы счастья, да несчастье помогло.

С другой стороны, возникли неожиданности, к которым глобальный социум адаптировался не сразу. К примеру, большие города оказались буквально заваленными медицинскими отходами: масками, перчатками... Значительно увеличились масштабы пластиковых упаковочных материалов, связанных с сервисной доставкой продуктов населению. По опубликованным данным, их объемы за период всплеска пандемии выросли на 25 %.

И этот тренд отнюдь не безопасен как для биосферы, так и, значит, человека. Международным союз охраны природы сегодня публикует материалы, из которых следует: бесчисленное количество пластиковых отходов (их даже с тревогой замечал в своих морских экспедициях 60—70-х годов XX века в отдаленных районах мира Тур Хейердал) попадает в Мировой океан, выстраиваясь в при этом в пищевую цепочку. Частицы пластика становятся источником корма для большинства морских обитателей. Есть цифры, свидетельствующие, что все большее количество отходов (называется цифра примерно в 60 тыс. микрочастиц пластика) ежегодно попадает в организм человека.

Иначе говоря, в краткосрочной перспективе пандемия, приведшая к снижению человеческой активности, становится фактором относительного улучшения качественных характеристик глобальной экосистемы, особенно в ее локальном измерении (в крупных городах становится чище воздух, уменьшается шумовое воздействие...). Однако в долгосрочном плане, после завершения острого коронавирусного этапа, решение мировой экологической проблемы потребует еще большего внимания человечества, ибо несколько лет было потрачено на доминирующее противодействие пандемии, когда руки (и финансы) не доходили в нужных объемах до важных природоохранных целей.

Глобальная безопасность. Ее острота преимущественно обусловлена масштабами военно-политической турбулентности и планетарной цифровой зависимостью социума.

К началу третьей декады XXI века становится заметнее: современная цивилизация неуклонно входит в зону развития, где проблема безопасности как национального, так и планетарного масштаба не может не волновать мировое общественное сознание. В начале 90-х годов XX века немало интеллектуалов попало под желаемое обаяние идеи Френсиса Фукуямы о «конце истории», то есть завершения идеологического противостояния разных моделей социального развития под доминантой тем не менее евро-атлантических стереотипов (при учете, естественно, и национальной специфики).

Примерно в это же время Сэмюэлем Хандингтоном в качестве альтернативной стратегии развития глобального социума выдвигалась реальность концепции «столкновения цивилизаций», имея в виду характер грядущих взаимоотношений между западной и исламской (ее экстремистских форм) цивилизаций. В период окончания «холодной войны» и распада «советской империи», когда казалось реальностью исчерпание базисных противоречий двух столпов биполярного мира и набрасывались (и частично реализовывались) перспективы будущего планетарного сотрудничества, прогнозные построения о «столкновении» как бы отодвигались в «отдаленную даль» всемирно-исторической динамики. К сожалению, мировая цивилизация приблизилась к этой «дали» быстрее, чем предполагалось многими лидерами общественного мнения.

«Специальная военная операция» на Украине (сейчас все чаще говорят «о войне») прервала сложившуюся и уже устоявшуюся архитектуру развития мировой цивилизации по окончании Второй мировой войны, обострив взаимоотношения между различными ветвями глобальной системы. Если сторонники концепции «столкновения цивилизаций» усматривали угрозу безопасности мирового развития в характере взаимоотношений западных стран и исламского экстремизма, то современные политологи — в новых трендах между евро-атлантической цивилизацией и Россией с ее союзниками.

При этом приверженцы потенциального «столкновения», как и в прежние времена «холодной войны», беззастенчиво размахивают «ядерной дубинкой», реально угрожая глобальной безопасности человечества. И это несмотря на то, что уже во второй половине XX века расчеты как американских, так и советских специалистов показали фатальные последствия для мировой цивилизации военного использования ядерного оружия. Сегодняшние «ястребы» убеждают мировое общественное мнение, что такой фатализм присущ лишь стратегическому ядерному оружию; в то время как тактические его формы предполагают, как утверждается, сравнительно локальное применение и соответствующие последствия.

И это — принципиально новый момент отношения к ядерному оружию, которое постепенно внедряется в общественное сознание. Этот факт чрезвычайно повышает «степень опасности», стоящей у порога современной цивилизации: тактические последствия применения ядерного оружия имеют все шансы неуправляемо выйти на стратегический уровень, где под реальной угрозой окажется все живое, сама жизнь.

Усиленная милитаризация современной цивилизации, опираясь на динамизм технологий и ставя под угрозу историческое выживание человека, опутывает его информационной сетью, открывающей его перед всем миром практически «без одежды», то есть информационно незащищенным. Тем самым и человек, и природа оказываются под неуклонным ростом глобального давления, обусловленным современными цивилизационными трендами.

Уместен и логичен вопрос «гамлетовского масштаба»: до каких степеней воздействия традиционная система «человек—биосфера» может сохранить состояние равновесия, необходимое для прогностического развития человечества, и не приближается ли цивилизация семимильными шагами к опасной деградации биосферы?

...Деннис Медоуз, представляя ставший знаменитым во всем мире доклад «Пределы роста», подчеркивал, что это не прогноз, а возможный тренд динамики цивилизации примерно через столетие — «экологический коллапс», если глобальный социум не оптимизирует демографические процессы, не выйдет на уровень рационализации потребностей человечества и не повысит внимание к решению конкретных социально-экологических проблем.

На протяжении последующего полстолетия фактические материалы доклада несколько раз авторами уточнялись, независимыми экспертами проверялись расчеты и т. п. Несмотря на то, что авторы доклада использовали более десятка переменных и дюжину сценариев, то есть стремились к наибольшей приближенности модели к реальности, тем не менее в соответствии с пролонгированными сценарными построениями, если не изменить деятельностные стереотипы цивилизации, в ближайшей исторической перспективе ей не избежать опасной остроты экологических бифуркаций.

Последний раз, по словам Д. Медоуза, ему пришлось прикоснуться к материалам знаменитого доклада в начале XXI века, когда готовилось третье его издание, приуроченное к 30-летию выхода в свет первого издания. Четвертого издания не будет, предупредил он в интервью изданию «Эксперт» (апрель 2012), ибо мировая система «находится далеко за пределами роста». Более того, по его мнению, надо забыть о том, что «можно спасти весь мир».

А спустя еще десять лет, в юбилейные дни «Пределов роста» (в 2022), Деннис Медоуз был настроен предельно алармистски: масштабы человеческой деятельности уже «очень намного» превышают возможные пределы, позволяющие рассчитывать на сохранение традиционного равновесия исторически сложившихся экосистем. Перед современной цивилизацией стоят совершенно иные задачи, чем полстолетия назад. Если прежде глобальный социум имел возможность (при реализации экологически ориентированной деятельности) вернуться к социоприродному состоянию, не утратив-

шему еще элементы гармонии биосферы, то ныне требуется иная стратегия развития человечества. Тренд на стратегическую устойчивость рассматривается как «несбыточная мечта». Человечеству следует, по его мнению, смириться с жизнью в «фазе упадка», приспособившись жить в условиях постепенной природной и социальной деградации. И такая «страусовая стратегия» позволит современной цивилизации, тихонько расположившись в облюбованном уголке мироздания, «проскрипеть», не делая резких движений, еще немало лет, сохранив относительную устойчивость глобальной социоприродной системы.

Тогда же профессору Медоузу задали вопрос: кого из российских/советских ученых он мог бы выделить в области устойчивого развития? И хотя, по собственному признанию, он «не очень знаком с современной российской наукой», тем не менее в ответе прозвучало имя — Владимир Вернадский.

В. И. Вернадский: от социальной автотрофности к ноосферному будущему человечества. Поиски стратегии выживания цивилизации

В сущности, начиная с 20-х годов XX века, когда он работал над фундаментальной книгой о сфере живого (Биосфера. Л., 1926; La Biosphere. Paris, 1929), и фактически до самого конца, с трудом, преодолевая недуг, диктуя свою знаменитую статью «Несколько слов о ноосфере (1944)», академик Вернадский закладывал основания научного понимания конструктивного взаимоотношения глобального социума с естественной средой обитания. И если его учение о биосфере акцентировало внимание на сущности современных процессов живого, то концепция ноосферы подготавливала позитивное будущее мировой цивилизации.

В. И. Вернадский еще в первой половине XX века, когда острота мировой социально-экологической ситуации только обозначалась в отдаленной перспективе цивилизации, предложил концепцию «вписания» человеческой деятельности в естественные природные системы. В традиционных понятиях классической науки анализировался механизм адаптации биоты, включая и человека, к преобразуемой его же собственным динамизмом окружающей среде.

Размышляя о перспективах цивилизации, В. И. Вернадский рассматривал человечество как часть «живого вещества», установив взаимосвязь геохимических процессов биосферы со сферой социального бытия. Отсюда проистекал его перманентный интерес к возможной стратегической реализации концепции «автотрофности человечества» — выхода на уровень относительной независимости в материально-энергетическом обеспечении человека (и социума) от естественной среды обитания как одно из базисных направлений преодоления исторической напряженности «внутри» элементов планетарной системы «цивилизация — биосфера».

Конечно, разъяснял В. И. Вернадский, человек еще отнюдь не преодолел своей генетической гетеротрофности и пока не может адекватно существовать вне биосферного окружения. И тем не менее в процессе развития человека (и человечества) отчетливо фиксируется повышение степени его «автотрофизации» — постепенное, но неуклонное уменьшение зависимости от факторов природной среды. «Автотрофность человечества, — записывает В. И. Вернадский в дневнике послереволюционного времени, — одна из загадок жизни», и надо «идти смело в новую область».

Эти идеи новой области знаний ему удалось отчетливо сформулировать в середине 20-х годов во время парижской командировки, опубликовав в научном издании Сорбонны статью под необычным названием «Автотрофность человечества» (1925). Человечество, поясняет он, выступая в качестве «великой геологической силы» — че-

ловеческого разума, ориентированного на социализацию человека, инициирует процесс превращения его из «существа биологического» в «существо общественное». Тем самым человек преодолевает абсолютизацию своего статуса существа «социально гетеротрофного», выходя постепенно на уровень «существа социально автотрофного».

Реализацию стратегии «социальной автотрофности» как возможного конструктивного направления развития цивилизации, «вписываемой» в сложившиеся природные связи и отношения, Вернадский связывал с системой ее целенаправленной модернизации. Им выделялось несколько направлений возможной стратегической трансформации цивилизации. Назовем их совокупность как «системный комплекс социальной автотрофности».

Во-первых, использование нетрадиционных (альтернативных) источников энергии. Им предвиделась (уже на самом начальном этапе открытия нейтрона) возможность «великого переворота», уникального для человеческой истории, связанного с «атомной энергией». При этом отчетливо им фиксировалась ее двойственность. С одной стороны, человечество получит, предвидел он, в руки «источник силы, который даст ему возможность строить свою жизнь, как он захочет»; а с другой — им виделась реальная, актуальная и в XXI веке дилемма: сумеет ли человек эффективно воспользоваться этой силой, направив ее на «добро», а не на «самоуничтожение»?

Во-вторых, создание и масштабное производство новых (полимерных) материалов, принципиально не отличающихся по своим характеристикам от природных соединений. Прорыв в современной химии вообще и полимерных материалов в частности не имеет исторического прецедента: процессы химической технологии замещают (не всюду и не всегда) природные материалы. Вместе с тем особенное беспокойство современного научного сообщества вызывают масштабы промышленных отходов, в том числе и производства полимерных соединений. И хотя современные химические технологии неуклонно включают учет эколого-природоохранных факторов, тем не менее объемы мировых химико-технологических отходов, несмотря на усилия по их утилизации, созданию «исчезающих» материалов и др., постоянно возрастают.

В-третьих, промышленный выпуск искусственно-синтетических продуктов питания, которые представлялись В. И. Вернадскому как реальная альтернатива традиционно-аграрному сектору в системе деятельности цивилизации, «фатально» зависимой от природной среды. С 60-х годов в Академии наук под руководством академика А. Н. Несмеянова проводились исследования, доведенные до уровня практики-прикладных разработок в области искусственной и синтетической пищи. Впрочем, вряд ли в предвидимой временной перспективе человечество откажется от естественных (природных) продуктов питания. Пока, однако, в экстремальных ситуациях (к примеру, в длительных космических полетах) используются сублимированные натуральные продукты; создаются питательные вещества, ориентированные на улучшение генетической структуры организма, и др. Важно то, что человечество имеет возможность (при необходимости) ослабить фатальную зависимость в пищевом обеспечении от продуктов непосредственного биосферного происхождения, целенаправленно улучшая качественные показатели традиционной пищи.

В-четвертых, предполагается создание некоторой единой, относительно замкнутой системы производственно-хозяйственной и социокультурной деятельности человечества. Иначе говоря, традиционная «разомкнутость» деятельностных структур цивилизации стремится повысить «степень замкнутости», приблизившись к естественным характеристикам биосферы. По существу, *Homo sapiens* выходит, считал В. И. Вернадский, на уровень *Homo sapiens faber*, ориентируясь на формирование внешней среды бытия, соответствующей базовым биосферным принципам, опираясь на современные технические системы.

Концепция «автотрофности человечества», сформулированная В. И. Вернадским, — это его ответ на глобальные вызовы конструктивного развития цивилизации настоящего, а в особенности — будущего. Человечество, разъясняясь им, как часть живого вещества не только радикально меняет «лик планеты», но «включает» механизмы, реально открывающие «пути лучшей жизни».

Более того, схема «системного комплекса социальной автотрофности», намеченная в его парижской статье лишь «пунктирно», вполне «работает» и в современных условиях. Ее необходимое и достаточное соответствие представлениям XXI века предполагает «лишь» учет информационно-цифрового направления деятельности, обеспечивающей интеграцию, в сущности, всей системы стратегического комплекса цивилизации предвидимого будущего.

К сожалению, однако, парижская публикация В. И. Вернадского оказалась практически не замеченной. Небольшая статья в малотиражном издании Сорбонны, казалось, затерялась в библиотечных каталогах; подобное случилось, видимо, и с предвоенной перепечаткой в коллективном сборнике сотрудников биогеохимической лаборатории (1940), где статья переведена, как указывается в примечании, в «неполном виде». Позднее, впрочем, несколько перепечаток осуществилось в 90-х годах XX века.

Очевидно, концептуальные идеи В. И. Вернадского лишь спустя десятилетия стали адекватно восприниматься научным сообществом. Мировому социуму потребовались ответы на глобальные вызовы цивилизации, в том числе, и даже преимущественно, социально-экологического характера: преодолет ли, и если да, то как, глобальный социум усиливающуюся биосферную напряженность?

Поэтому на рубеже XX—XXI веков исследовательский интерес к процессу «автотрофизации» человечества не только не ослабляется, а, напротив, усиливается. Это внимание к, казалось бы, забытой концепции свидетельствует об ее эвристической значимости, футурологической ценности, несмотря на почти столетний временной лаг между парижской публикацией и ее современным восприятием. В первой половине XXI века концепция социальной «автотрофности человечества» рассматривается не только в социально-философском контексте — оцениваются и ее стратегические перспективы как возможной модельной конструкции цивилизации реального будущего.

Понятно, однако, и то, что концептуальная схема перспектив мировой динамики, очерченная почти столетие тому назад (и даже откорректированная в соответствии с современными реалиями), отнюдь не свободна от критического анализа. В его основе нередко тезис, в соответствии с которым трансформация сущности человека (от естественной гетеротрофности к искусственной автотрофности) рассматривается как гипотеза, не имеющая пока условий для реализации. И с этим тезисом вряд ли уместно спорить, учитывая реальную турбулентность глобальных процессов первых десятилетий XXI века. И тем не менее историческая экстраполяция современных конструктивных трендов развития глобального социума позволяет утверждать с достаточной долей объективности, что процесс «автотрофизации» человечества (особенно в форме выхода на уровень «цифровой цивилизации») отнюдь не утопия, а реальный ориентир контуров ее предвидимого будущего.

Более того, со второй половины XX столетия, когда мировое научное сообщество активно ищет стратегию развития цивилизации, обеспечивающей преодоление естественного исторического противоречия между относительной ограниченностью традиционных ресурсов биосферы, сравнительно неограниченным ростом материально-энергетических и социальных потребностей демографически возрастающего общества и опасным обострением деградационных изменений естественной среды обитания всего живого, включая и человека, концепция «автотрофности человечества» — возможный ориентир конструктивного футурологического динамизма глобального со-

циума. При этом теоретические построения В. И. Вернадского об автотрофных тенденциях в развитии цивилизации стали фундаментом его постоянных поисков путей «оразумления» («онаучивания») взаимоотношений элементов системы «человек—цивилизация—биосфера». И если, однако, «автотрофизация» цивилизации предполагает формирование материальной базисной основы деятельности мирового социума, способного в рамках эффективного научного, технического и социокультурного динамизма снять опасную остроту современной биосферной напряженности, то процесс «ноосферизации» («онаучивания», «оразумления») цивилизации (как «переход» биосферы в ноосферу) в большей мере исходит из идеализированных стереотипов будущего (исключение войны из истории человечества, удовлетворение интересов народных масс, гармония человека с биосферой и др.).

Другими словами, выявляется устойчивая взаимосвязь процессов «автотрофизации» и «ноосферизации» глобального социума. Таким образом, именно автотрофно-ноосферная концепция динамики цивилизации будущего положена В. И. Вернадским в основание эффективного экономического роста, удовлетворяющего растущие потребности возрастающего мирового населения, обеспечивая при этом социально-экологические стереотипы будущих поколений.

Ноосферные воззрения на прогностическую динамику взаимоотношений человека и биосферы возникли в результате взаимообогащения идей Эдуарда Ле Руа, Пьера Тейяра де Шардена и В. И. Вернадского. Ноосфера, разъяснял позднее В. И. Вернадский в последней прижизненной публикации, — «новое геологическое явление» на планете, ибо человечество становится способным «перестраивать биосферу в интересах свободно мыслящего единого целого».

Иначе говоря, человечество, по его представлениям, выходит на новый уровень взаимоотношений с биосферой. Масштабы его активности приводят, и Вернадский ощущал это, как никто другой, к тому, что фиксируется реальный тренд на утрату исторического равновесия естественных экосистем. Именно поэтому должна повышаться «степень разумности» воздействия глобального социума на среду своего обитания. Ноосфера, по В. И. Вернадскому, — это биосфера, разумно (на научной основе) взаимодействующая с человеком, стремящимся сочетать биосферные и космические ипостаси своего прогностического бытия.

В 60–80-х годах в философском контексте ноосфера трактовалась как период будущего гармоничного социально-экологического развития цивилизации, связанный с эффективными (рациональными) социокультурными общественными отношениями. При этом в официальной БСЭ ноосфера представляется областью взаимодействия природы и общества, где «разумная человеческая деятельность» выступает в качестве главного (определяющего) фактора развития социоприродных систем. В более «раскрепощенных» изданиях (например, в работах Игоря Забелина) ноосфера трактуется как «планетизированный непрерывный поток информации», «возникающее и постоянно развивающееся знание», воплощаемое в социальных структурах, культурных и духовных ценностях.

В XX–XXI веках полярность суждений о феномене ноосферы проявилась в наиболее отчетливой форме. Одни исследователи (назовем их «ноосферными пессимистами») достаточно критически оценивают возможности реализации установок ноосферы в социальной действительности: подчеркивается ее «утопизм», учитывая кризисные тренды мирового развития; отрицается реальность преодоления противоречий в рамках глобального социума и его вхождения в «сферу разума» и т. п.; другие (назовем их «ноосферными оптимистами»), напротив, именно с процессом конструктивной реализации ноосферной модели связывают позитивные тренды мировой динамики. Очевидно, что полярные суждения примиряются в рамках «ноосферного реализма», в соответ-

ствии с которым именно «оразумление» («онаучивание») прогностической (временной) стратегии цивилизации позволяет рассчитывать на преодоление остроты ее социально-экологических противоречий и выход на оптимально-гармонический уровень взаимоотношений элементов глобальной системы «человечество—биосфера».

Тем не менее до сих пор не утихает полемика критиков и приверженцев ноосферных представлений. И это понятно на фоне продолжающегося усиления биосферной и социокультурной планетарной напряженности.

По-прежнему «ноосферные пессимисты» придерживаются такой точки зрения, что феномен ноосферы — «квазинаучный миф». И с этим тезисом трудно полемизировать. Дело в том, что мировая социал-экологическая политика (не обозначая себя в качестве ноосферной) реализует, в сущности, подобную идеологию — стремление к «оразумлению», то есть управлению на научной основе взаимоотношений человека и биосферы. При этом, однако, глобальная система «человек—биосфера» так и не приблизилась к уровню искомым гармоничных системных взаимоотношений. Тем не менее не исчерпали своего потенциала и «ноосферные оптимисты», позиция которых заключается, видимо, в том, что темпы реализации ноосферной модели не соответствуют ее конструктивным возможностям. И в современных турбулентных социальных условиях ими утверждается, что Россия демонстрирует образец «ноосферной стратегии».

Впрочем, эффективность прогностичной ориентации ноосферной модели поддерживается современными представлениями об известной тождественности (подобии) феномена ноосферы и процессов глобализации, определяющих основные тенденции современной мировой динамики. Более того, именно размышления В. И. Вернадского, записанные им в конце 30-х годов XX века и увидевшие свет лишь в его второй половине (что произошло, к примеру, с работой «Научная мысль как планетное явление», несколько десятилетий пролежавшей в архиве), заложили основания глобальных исследований Феномен «глобализации» — материализация ноосферных представлений, в рамках которых доминирует тренд на целостность планетарных процессов, реализуемых на основе рациональных управленческих механизмов, «включаемых» социумом.

«Взрыв научного творчества», по выражению В. И. Вернадского, с которым связываются радикальные изменения как самого человека, так и среды его обитания, или, другими словами, «всюдность жизни» охватила все, в сущности, сферы сознания и бытия человека, постепенно воспринимающего свой планетарный статус. Иными словами, пояснял он, человек должен (и будет) не только мыслить, но действовать в «планетном аспекте». Для основных трендов науки характерна не предметно-дифференциальная, а проблемно-интегральная направленность, соответствующая стратегической целостности (как «единого целого») грядущего человечества — его единства («люди как братья»).

С одной стороны, им фиксировались процессы проявления «всемирной истории человечества», когда единство биосферы и глобального социума будет соответствовать целевым установкам будущей цивилизации, а с другой — объективный анализ социальной реальности выявлял ему возможные трагические социокультурные контуры грядущего: «приближение варварства», «крушение цивилизации», «самоистребление человечества».

Негативный тренд предвидимого будущего будет не фантомом, а реальностью, если «единое человечество» не возьмет под научное управление «совокупность человеческих действий и идей». Именно под влиянием «научной мысли и труда» им прогнозируется позитивный процесс «перехода» биосферы в ноосферу, где предполагается искомый баланс (на основе научной мысли) человека, человечества и биосферы. Человечество, опираясь на «государственно-организованную научную мысль», выходит неуклонно на уровень реализации ноосферной стратегии цивилизационного развития.

Более того, В. И. Вернадский, размышляя о реальности «вхождения» цивилизации в ноосферу, наметил систему параметров развития глобального социума, обеспечивающих превращение идеи ноосферы из «утопии» в «бытие». Одни из них уже реализованы (к примеру, практически «полное заселение биосферы человеком» или создание атомной энергии); другие — близки к реализации (допустим, расширение доступа к образованию или интеграция научных дисциплин); третьи — по-прежнему далеки от «практизации» (скажем, «искоренение войн из жизни человечества» или преодоление расового неравенства).

При этом и процессы «глобализации» — тренд на доминирование интеграции (по отношению к дифференциации) локально — региональных социокультурных и природных систем, и «ноосферизации» — процесса перехода биосферы в ноосферу, в сущности, подобны в своих базовых характеристиках и объектах функционирования. Иначе говоря, процесс «перехода» фактически аналогичен глобализации, когда взаимодействие различных подсистем (для смягчения или преодоления) социокультурных и социоприродных противоречий устремляется к определенной планетарной целостности. «Глобализация», стремясь к снятию имманентных противоречий как внутреннего, так и внешнего характера, «сливается», в сущности, с «ноосферизацией». Глобализация, преодолевая «неуправляемую противоречивость» и приобретая ноосферный статус, выходит на более высокий «уровень управления». И это соответствует искомым целевым установкам стратегии устойчивого развития цивилизации, в «правильном котле» которой утрачивают «антагонистическую противоречивость» западные и восточных стереотипы в процессе воплощения мифической иллюзорности общечеловеческих ценностей.

Итак, почти столетие тому назад В. И. Вернадский не только обозначил основные тренды мировой динамики и предвидел «болевые точки» цивилизации XX века (продолгованные, к сожалению, и в XXI веке), но и наметил базовые пути их преодоления. Его автотрофно-ноосферная концепция перспективного развития глобального социума, сформулированная в 20–30-х годах ушедшего века, фениксом восстала в веке нынешнем, обозначая конструктивный путь позитивного сценария предвидимого будущего — в виде уже реализуемой мировой стратегии устойчивого развития (а если говорить словами В. И. Вернадского) — «ноосферной цивилизации». Ее контуры уже вырисовываются, несмотря на турбулентную реальность, острота которой будет отступать в прошлое под неуклонным воздействием «вселенскости» и «спаянности всех человеческих обществ».

Российский ответ. Социально-экологические противоречия: специфика национальных предпочтений и решений

Исследователи Йельского и Колумбийского университетов (США) обнародовали (2022) очередной ежегодный с начала XXI века рейтинг «Индекс экологической эффективности» (Environmental Performance Index, EPI). В нем участвовали 180 стран.

Лидером рейтинга на этот раз была признана Дания. США заняли 43-е место; Китай — 160-е и Индия — 180-е. Россия оказалась на 112-м месте.

Для сравнения эти показатели, соответствующие 2016 году, выглядят следующим образом: Финляндия — первое место, США — 26-е, Китай — 109-е и Индия — 141-е. Россия была помещена на 32-е место.

Очевидно, что за прошедшее время мировая социально-экологическая ситуация отнюдь не улучшилась. А показатели РФ стремительно покатались вниз. И этот тренд,

учитывая турбулентность мировых процессов в их современных ипостасях, вряд ли радикально изменит свой вектор.

...Немало того, что предвидел Деннис Медоуз, размышляя о реальных трендах планетарного развития, выявляется в российских условиях.

Демографический спад. Резкое снижение уже сложившихся показателей прироста населения.

По официальной статистике Росстата (2022), население РФ сократилось более чем на 0,5 миллиона человек. Возросла смертность как непосредственные последствия коронавирусной инфекции и «специальной военной операции». Более того, сохраняется низкая динамика рождаемости, которая даже ниже соответствующих европейских показателей (а их тренд уже несколько лет ведет к продолжающейся национальной депопуляции). При этом доходы населения сокращаются, и это отнюдь не способствует демографическому росту. Изменяется соотношение молодых и пожилых возрастов в сторону увеличения последних, что также не ведет к улучшению национальной социально-экономической ситуации. В целом тенденция депопуляции свидетельствует о неблагоприятии внутри страны, ослабляя ее исторический динамизм, ограничивая возможности эффективного движения в будущее.

Ресурсная зависимость. Доминирование экспортно-сырьевой модели экономического развития.

И эта модель неуклонно исчерпывает свой интеллектуальный и материальный потенциал. Однако выход на уровень инновационных решений требует стратегического подхода и существенного финансирования, которое будет «отвлекать» ресурсы для выполнения тактических задач современного социально-экономического развития. Тем самым поставленная стратегическая задача может не соответствовать сиюминутным запросам и потребностям социума. Иначе говоря, нужна политическая воля и уверенность в ее адекватности, чтобы выйти на уровень непопулярных решений, дающих отдачу лишь в перспективе. Если, однако, оттягивать их дальше, то традиционная экономическая модель окончательно не выдержит нагрузки напряжения, а национальная социоприродная система войдет в зону опасных деградиционных изменений — в «точку невозврата».

Биосферная неустойчивость. Сохраняя в структуре экономики преобладание ресурсодобывающих и ресурсоемких секторов, РФ поддерживает тренд на истощение национального природно-ресурсного потенциала и деградиацию биосферы.

При этом экологическая ситуация в РФ имеет свои особенности. С одной стороны, наличие значительных территорий, свободных от производственно-хозяйственной деятельности, и ее сокращение; а с другой — уменьшение расходов на охрану окружающей среды, архаичность многих производственных систем, масштабность внешних выбросов и др. Иначе говоря, определенное динамическое равновесие между сложившимися экологическими системами и последствиями воздействия на них масштабной антропогенной деятельности пока поддерживается. Впрочем, это равновесие носит неустойчивый характер: расширение производственной деятельности в традиционных формах с неизбежностью приведет к опасному нарушению баланса взаимоотношений элементов системы «человек — биосфера».

Наследие недопотребительства. На протяжении жизни нескольких поколений советский человек находился в состоянии перманентного дефицита. Шлейф этого состояния коснулся и «постсоветского человека» — современных поколений россиян. При этом рационализация потребительских стереотипов — одно из базисных направлений конструктивного развития социума.

Это касается практически всех сторон жизнедеятельности человека. А именно: не расширение, а рационализация «потребительской корзины»; оптимизация использо-

вания энергетических и водных ресурсов и др. Для стратегического сохранения динамического равновесия национальной социоприродной системы необходимо выйти на уровень баланса между природно-ресурсным потенциалом биосферы и потребностями человека. И если средний «западный человек» в своем адекватном социальном состоянии смог удовлетворить практически в полном масштабе социальные потребности (поэтому значительная часть населения согласна с их рационализацией, исходя не только из стратегических, но и социокультурных соображений), то «средний россиянин», скорее всего, с трудом согласится на «затягивание пояса» потребностей. Теоретически (даже из культурологических или медицинских соображений) ему близки представления о рационализации потребительства), но как соединить стратегические национальные интересы и личные потребности индивидуума? Это предполагает, во-первых, длительный период «максимального потребительства» для определенных социальных страт, особенно низшего и среднего уровней, и, во-вторых, целенаправленную просветительскую деятельность, разъясняющую необходимость всеобщей потребительской рациональности.

Управленческая неопределенность. Принятая законодательная система предполагает целенаправленную реализацию более эффективных принципов развития.

Нужна ли, однако, современной РФ реальная национальная стратегия экологического развития? С одной стороны, ответ на этот вопрос должен быть сугубо положительным, ибо в противном случае историческая динамика приведет к существенным (в известном смысле необратимым) деградиционным изменениям биосферы. Более того, управленческая структура не принимала бы соответствующих решений.

С другой стороны, вполне возможно получить и альтернативный ответ, поскольку принятые решения так и не получили необходимых стимулов, в том числе и финансовых, для их эффективной реализации. Вполне реально предположить, что принятая законодательная система, необходимая для реализации национальной УР-стратегии, нужна была лишь для адекватного «вписывания» в общепринятые международные решения. Сегодня, когда политическая ситуация радикально меняется, приходится признавать и ее экономические последствия.

И хотя власти отрицают реальность сокращения природоохранного финансирования, тем не менее рост военных расходов вынуждает «ужимать» некоторые природоохранные статьи бюджета. Это касается, к примеру, затрат на обращение с отходами — их сокращают в два раза в 2023–2024 годах. Конечно, это не повлияет на планы по увеличению доли сортировки и утилизации мусора, уверяют в Минприроды, но, как говорится, поживем — увидим...

...В. И. Вернадский высоко оценивал роль государства в решении базовых научных и социальных проблем. Именно поддержка государственных структур дала старт его «атомному проекту»; об этом он пишет в своих дневниках, размышляя о ходе и причинах советской победы в Великой войне, отмечая при этом немало ошибок в государственной политике большевиков.

Россия не готова пока в полной мере вывести идеи об экологическом развитии на реальный практический уровень. И если тактически страна пока не «созрела», то стратегически ей не избежать выхода на уровень развития, обеспечивающий баланс экономических, экологических и социокультурных процессов. Более того, для этого имеются практически все концептуальные предпосылки и государственные решения.

Государственная вертикаль. Доминирующая роль государственных структур при принятии и реализации ключевых решений.

Российская ментальность традиционно патроналистски воспринимает управляющие функции государства. Вся стратегия современной политической системы с начала «нулевого десятилетия» связана с реализацией реформ, направленных на укрепление

российской государственности. Представление о сильном государстве связано с решением фундаментальных задач, требующих значительного финансирования, а значит, «оттягивающих» бюджетные ресурсы, необходимые для выполнения необходимых социальных функций. Именно государство авторитарного типа имеет возможность интенсивной концентрации внутренних ресурсов для адекватного разрешения масштабных национальных проблем. При этом необходимо, с одной стороны, избежать «вползания» в государственный тоталитаризм (сохранить по возможности элементы демократических институтов), а с другой — и в трудной социально-экономической ситуации учитывать положение человека, уровень «качества» его жизни. Оптимальная структура управленческого механизма представляется как балансирование государственных и рыночных отношений, симбиоз «управляемости социума» и «индивидуальной свободы». Их соотношение является функцией как внутренних, так внешних обстоятельств социально-экономической и общественно-политической реальности.

Ресурсная самодостаточность. РФ в известной степени сохранила исторический природно-ресурсный потенциал (впрочем, изрядно потраченный), еще позволяющий рассчитывать на сочетание экономического динамизма с возможностью поддержания относительного равновесия национальных экосистем.

На территории России имеются залежи практически всех видов полезных ископаемых и ресурсов органического топлива в масштабах, удовлетворяющих национальные потребности. Более того, именно энерго- и минерально-сырьевая база обеспечивает базис для национального социально-экономического развития. Задача заключается в том, чтобы, с одной стороны, создать условия для рационального использования невозобновляемых и конструктивного восстановления возобновляемых природных ресурсов, а с другой — преодолеть ресурсную зависимость и выйти на уровень эффективных технологий ресурсопотребления.

Зеленая инновационность. Ориентиры «зеленой» экономики как базисное направление модернизации национального развития.

Российская экономика имеет возможности (научные, финансовые, технологические и др.) активнее выходить на уровень новых технических решений, связанных с повышением «степени замкнутости» деятельности во всех ее формах и проявлениях. Поддерживается и стимулируется тренд перехода крупнейших производственных объектов (нефтегазовых, металлургических, химических и др.), особенно загрязняющих естественные экосистемы, на использование циклических технологий, минимизирующих выбросы и сбросы в природную среду. Тем самым снижается потребление сырья и сокращается образование отходов, которые могут стать эффективным источником вторичных ресурсов. Сокращаются сектора национальной экономики, оказывающие негативное воздействие на подсистемы биосферы (углеводородная энергетика), и увеличивается доля использования альтернативных энергетических источников.

Экологическая соборность. Российское мировоззрение возвращается к традиционным культурологическим стереотипам, в соответствии с которыми интересы индивидуума и социума рассматриваются в органическом социоприродном контексте.

Историческая соборность «русской идеи» была трансформирована под эгидой идеологии «советского коллективизма», в рамках которой человек, растворяясь «винтиком» в коллективистской массе, объявлялся господствующей и преобразующей силой социальной реальности. Можно ли, однако, вернуться к духовно-религиозной основе соборности, понимаемой как взаимосвязь человека, общины («мира») и Бога, реализовать идеологические постулаты «русской идеи»?

И в самом деле, православие вернуло себе реальные функции объективной «скрепы», связывающей различные элементы «русского мира» как национального, так регионально-глобального масштаба. Авторитарная вертикаль власти, пронизывая просторы

России, выступает в качестве ее второй «скрепы», интегрируя (цементируя) ее подсистемы. Третья «скрепа» — русская культура, сохранившая свои генетические и исторические ценности, балансируя между вестернизацией и ориентализацией, не утратила предпосылок для конструктивного сочетания западного экономического динамизма и восточной адаптивности. Тем самым открывается реальный путь выхода России на уровень перспективного и относительно неограниченного пространственно-временного развития, вписавшись в глобальную систему «человечество — биосфера — цивилизация». В чем и состоит, в сущности, целевая установка стратегии устойчивого развития.

Россия: экологические последствия санкций. Мировая турбулентность как фактор российских антиэкологических решений

...Во время давнего посещения киевского Владимирского собора заметил: многих посетителей привлекала роспись «Войны Апокалипсиса» художника Виктора Васнецова. В «неорусском стиле», изначально ему присущем, как поинтересовался позднее, изображены персонажи из шестой главы Откровения Иоанна Богослова — конные воины в древнерусском военном облачении как символы войны, чумы, голода и смерти. Автор закончил холст в 1887 году...

Вторая декада XXI века случилась особенно непростой: переход Крыма под юрисдикцию РФ, неожиданное «нападение» коронавируса, региональные энергетические сбои, «специальная военная операция» на Украине и настигшие РФ санкции. Россия, включенная в мирохозяйственные связи, оказалась под жестким, неуклонно усиливающимся прессингом «коллективного Запада».

Процессы глобализации, которые, как казалось еще совсем недавно, давали РФ возможность на взаимовыгодной основе пользоваться технологическими достижениями евро-атлантического мира, обернулись ее технической зависимостью и экономической уязвимостью, необходимостью повышенного внимания к национальной безопасности. Международные бренды стали покидать российский рынок, который постепенно, с той или иной степенью эффективности, стали заполняться товарами и услугами отечественного производителя. Как точно отмечает народная мудрость: «Не было бы счастья, да несчастье помогло».

И тем не менее пандемия коронавируса стала одним из пусковых механизмов крупнейшей мировой рецессии послевоенного времени, захватившей и РФ. Локдаун разрушил традиционные цепочки международных производственно-хозяйственных отношений, а европейский энергетический кризис, усугубленный сравнительно холодной зимой и стремительным похолоданием отношений с Россией, подлил масла в огонь разгоняющихся социально-экономических трудностей.

А последующая «специальная военная операция» РФ на Украине добавила туда бензина. В России падает объем промышленного производства «всего» на 2 %, что вдохновляет экономистов, прогнозирующих, что в 2022 году ВВП упадет в стране до 10 % (а до начала военных событий прогнозировали рост ВВП примерно на 2,5 %). При этом сравнительно терпимо (до 1,5 %) падают реальные доходы населения по стране. К сожалению, по регионам эти показатели значительно выше — до 8 % сократились доходы населения в тех регионах, где закрылись, к примеру, автомобильные предприятия, связанные с западными брендами: первыми ушли одни из самых крутых — «Ferrari» или «Bugatti». Россияне со скрипом переходят на китайские марки. Впрочем, переход на авто китайского производства — отнюдь не худший вариант переждать период снижения благосостояния населения.

Ведь, по данным Росстата, в 2020 году доходы россиян упали на 3,5 %. В 2022 году снижение доходов населения, прогнозирует Счетная палата, составит более 7 %, объясняя это санкционными мерами и геополитическими рисками. Вместе с тем Минэкономразвития оценивает рост реальных располагаемых доходов населения в 2023 году на уровне более 3 %; при этом его данные на 2024–2026 годы не соответствуют «ростовому оптимизму» — через несколько лет качество жизни населения и не предполагается к росту — даже меньше 3 %.

И это снижение не удивительно: если, по прогнозам, темпы экономического роста РФ в 2023 году будут снижаться по отношению к предыдущему году, составив величину меньше 2 %. При этом официальные экономисты-пропагандисты радуются: ждали экономического краха, а система возрождается, как российский феникс, преодолевая западного супостата при поддержке святого Георгия Победоносца. Экономисты — реалисты, разложив перед собой таблицы и графики, скорбно покачивают головами: перед российским социумом им видятся ближайшие перспективы отнюдь не в динамическом развитии, но в тихом выживании.

Сегодняшняя Россия входит в состояние перманентного финансового дефицита. Скажите, каким образом можно одновременно проводить многомесячную «военную спецоперацию», противодействуя мощным силам «объединенного Запада»; трансформировать национальную экономическую систему, переводя основные деятельностные потоки на Восток; стремиться сохранить сравнительно удовлетворительный уровень народного благосостояния, поддерживая при этом прежнее финансирование масштабных природоохранных проектов и программ, когда ресурсы национального бюджета не получают прежнего вливания?

Ответ один — бюджетное перераспределение. Иначе говоря, под давлением экономической реальности и политической целесообразности произошло секвестирование экологических расходов мероприятий национального масштаба.

При этом желательно было бы принять во внимание, по крайней мере, два обстоятельства.

Во-первых, то, что социально-экологическая ситуация в РФ далека от «качественности» — во многих районах страны естественные экосистемы близки к утрате равновесного состояния, сохранение которого реально ставит под сомнение благополучие всего живого, включая и человека. И во-вторых, население России действительно обеспокоено качественными характеристиками среды обитания, несмотря на остроту национальной социально-экономической ситуации.

Опросы показывают: примерно 50 % россиян считают, что экологическая ситуация в стране ухудшается; региональные опросы снижают этот показатель до 30 %. При этом такое же количество россиян готово участвовать в природоохранной деятельности — к примеру, раздельно собирать бытовые отходы, самостоятельно их сортируя. Треть граждан даже согласны выйти на протесты, защищая природу. Но не очень активны в действительности. Экологическая партия «зеленые», громко заявившая о себе в начале 90-х годов XX века, постепенно утратила свою боевитость, увлеклась сменой руководства и политическим лавированием. Ее единственный представитель тихо сидит в Думе, голосуя за нужные власти решения. В сущности, на политическом олимпе РФ реальная деятельность защитников российской природы особенно и не заметна.

Государственную Думу седьмого созыва (2016–2021) ее лидеры называли «самой экологичной», ибо именно в ее рамках получил самостоятельность Комитет по экологии и охране окружающей среды, отделившись от комитета, занимающегося вопросами природопользования, — Комитет по экологии, природным ресурсам и охране окружающей среды. Конечно, раньше совместный комитет был похож на сотрудничество

волка и козы; теперь же, говорят думцы, ликвидирован «внутренний конфликт интересов» и открывается путь «усиления экологической повестки».

Несомненно, Госдума и соответствующие комитеты принимают важные законодательные решения, касающиеся самых широких сторон взаимоотношений человека, социума и среды их обитания. Однако всегда ли удастся им отстоять свои прежние природоохранные законодательные представления, не поддаются ли они давлению социоэкономической целесообразности, когда природоохранные проекты финансировались по остаточному принципу? Следующая Дума восьмого созыва, избранная в сентябре 2021 года, и ее профильные комитеты, оказавшись в эпицентре международных и национальных турбулентностей, вынуждены были участвовать в принятии антиэкологических решений.

На рубеже второй и третьей декады XXI века в России было принято несколько концепций, связанных непосредственно с реализацией УР-стратегии: обсуждались перспективы национальных проектов «зеленой экономики», «декарбонизации» энергетических систем и др. «Специальная военная операция» в Украине и последствия санкционной политики стран «коллективного Запада» вынудили власти затормозить или перенести на другие (более отдаленные) сроки реализацию важнейших проектов и программ, имеющих выраженную экологическую направленность.

...Минприроды РФ разработал (2018) федеральный проект «Чистый воздух» в рамках нацпроекта «Экология», ориентированный на кардинальное снижение уровня загрязнения атмосферного воздуха в крупных промышленных центрах, в том числе снижение в два раза выбросов опасных загрязняющих веществ, оказывающих наибольшее негативное воздействие на окружающую среду и здоровье человека. Планировалось, что в дюжине городов — участниц проекта, среди них самые загрязненные промышленные объекты страны, такие, как Магнитогорск, Красноярск или Нижний Тагил, будет проводиться эксперимент по квотированию выбросов. При этом предполагалось, что часть инвестиционных программ по внедрению новых экологических технологий будет осуществлять за счет собственных резервов предприятий. В целом же на реализацию проекта «Чистый воздух» из федерального бюджета были предусмотрены ассигнования в объеме 60 млн рублей. Планируется, что благодаря проекту объем выбросов сократится не менее чем на 20 % к 2030 году.

Однако президент РФ был вынужден подписать закон (март 2022), смещающий сроки завершения федеральной программы «Чистый воздух» с 2024-го на 2026 год. Решение об изменении сроков принято в связи с новыми экономическими реалиями — санкционными действиями, которые осложняют (и тормозят) поставки соответствующего европейского оборудования. Впрочем, власти настроены оптимистично: предприятия непременно выйдут на новых поставщиков необходимых технических систем. Иначе говоря, программа не останавливается, продлевая лишь сроки выполнения, сохраняя в целом намеченные целевые установки в полном объеме.

Похожая ситуация наблюдается и в лесном ведомстве, куда протянули свои щупальцы вездесущие санкционные меры.

В то же самое время (март 2022) правительство РФ обсуждало меры поддержки лесной отрасли, связанные, с одной стороны, с сохранением рабочих мест и расширением производства, а с другой — импортозамещением внутри страны. В качестве поддержки национального производителя было решено заморозить на год увеличение ставок платы за использование лесов и проведение плановых надзорных мероприятий.

Представители правительства утверждали, что «санкции выявили точки роста для лесной промышленности». Сегодня частенько приходит на ум народная мудрость, хорошо «работающая» в России, — о несчастье, которое приносит счастье.

В досанкционное время руководители лесной промышленности не очень следили, кажется, за потребностями населения, которое тоже не слишком стремилось приобрести отечественный гардероб или кровать, предпочитая недорогую простоту «Икеа» или изыски итальянских спален. Теперь все изменилось.

Вся эта простота и красота, привив среднему россиянину вкус к разнообразию товаров и достоинству при посещении европейских мебельных магазинов, стремительно исчезли, оставив неуловимый аромат скандинавского спокойствия и волнующий – Chanel... Национальному бизнесу надо было найти направления замещения, то есть крутиться белкой в колесе.

Пока только, кажется, на бумаге, но дело завертелось: Минпромторг намерен изучать объем потребительского рынка; планируется также создание производств сопутствующих товаров для переработки древесины, производства запасных частей мебельной фурнитуры и др. Важными мерами для поддержки отрасли станут увеличение до пяти лет сроков льготных кредитов, выдаваемых Фондом развития промышленности, а также приоритетная поддержка проектов, направленных на импортозамещение продукции из древесины.

Для поддержки предприятий принято решение о введении на год моратория на увеличение ставок платы за использование лесов и на проведение плановых надзорных мероприятий. Также на 1,5 года будут продлены сроки реализации приоритетных инвестиционных проектов в области освоения лесов.

«Я планов наших люблю громадь», как и поэт. Но у меня пара вопросов к лидерам отрасли: почему внимание к национальному потребителю не возникло раньше, когда можно было бы не торопясь повернуть голову в сторону его интересов; неужели нельзя было обойтись без суеты, не бегая теперь по лесам в поисках нужного сырья, забывая подчас о правилах рационального природопользования?

Тогда же, в мартовские дни 2022 года, комиссия Госсовета по направлению «Энергетика» обсуждала меры поддержки российского топливно-энергетического комплекса (ТЭК) в условиях внешнего санкционного давления. Лидеры отрасли, с одной стороны, говорили о том, что в условиях постоянно нарастающего внешнего давления российская энергетика работает в стабильном режиме, с другой стороны, предупреждали: «ситуация требует оперативных и беспрецедентных решений». Перед отраслью была поставлена система основных задач: обеспечение стабильной работы ТЭК, недопущение роста цен на топливо выше инфляции, сохранение экспортного потенциала, расширение импортозамещения горного оборудования и обеспечение логистики поставок импортной техники.

Очевидно, что отрасль должна выстоять в условиях, когда продукции национального топливно-энергетического комплекса закрыт свободный путь на европейские рынки. Отсюда – преференции деятельности ТЭКа. К примеру, проведение ремонта оборудования разрешается «по упрощенной схеме»; предусматривается снижение штрафов за сжигание попутного газа.

Вообще же, прямо говоря, российский ТЭК оказался в непростой экономической ситуации. Страны ЕС, реагируя на украинский кризис и реализуя «зеленый курс», стремятся, с одной стороны, заместить использование российских углеводородов, а с другой – расширить использование энергетических ресурсов, полученных на основе «зеленых» технологий.

РФ теряет на этом двойной убыток. В течение досанкционного периода на долю стран ЕС приходилось около 40 % российского экспорта (его значительная часть составляла энергосырьевые ресурсы). При этом Россия могла бы масштабно участвовать в экспорте в Европу ресурсов, полученных на основе возобновимых источников

энергии (ВИЭ). Антироссийские санкции заморозили возможные инвестиции в российское развитие.

Отсюда — тренд на расширение внутреннего рынка потребителей «зеленых» услуг, что не очень подготовлено ни тактически, ни стратегически. В соответствии с Энергетической стратегией РФ до 2035 года лишь только намечаются контуры «зеленого» развития: увеличение доли ВИЭ в энергетической структуре, целенаправленность вложений в энергетическую эффективность экономики и др.

В эту стратегию вписывается и «водородная энергетика» как мировой тренд экологически безупречного энергетического ресурса ближайшего будущего. Потенциальные возможности РФ — в полном порядке: сравнительно источники дешевой и «чистой» энергии (АЭС и ГЭС) и ресурс его производства — природный газ. Впрочем, пока это — перспективы, а в реальности доминирует использование традиционного топлива, подвергаемое критике с «зеленых» позиций и санкционно изгоняемое с мировых рынков.

В «Концепции развития водородной энергетики в РФ» (2021) лишь к 2035 году намечался запуск первых коммерческих производственных площадок производства водорода. Введение санкций, рост цен на углеводороды и торговые ограничения — все это поставило под вопрос реализацию мирового «зеленого транзита», сдвигая этот тренд во времени в послевоенный период. Иными словами, декарбонизация экономики вообще и энергетики в частности как один базовых элементов реализации УР-стратегии уходит во временную неопределенность.

И наконец, еще один антиэкологический удар российской реальности был нанесен со стороны национальной строительной системы. Дело в том, что по президентскому поручению Правительство РФ, в рамках плана первоочередных действий по повышению устойчивости российской экономики в условиях санкций среди более ста инициатив разработало меры поддержки строительного комплекса страны. Власти хотели стимулировать бизнес, дать большую свободу предпринимательству, обеспечить максимальную гибкость экономики.

И оказалось, что существующие природоохранные ограничения в области строительной деятельности мешают свободе бизнеса, его активности. Поэтому, в частности, было решено ввести годичный мораторий на отрицательные заключения по представленным проектам. Одновременно, в апреле 2022 года, Госдума одобрила в первом чтении законопроект о снятии экологических ограничений в строительстве «приоритетных инфраструктурных проектов» на особо охраняемых природных территориях (ООПТ), например в районе Байкала. В сущности, готовится юридическая возможность возведения в ООПТ объектов ООПТ, где законодательно запрещено вообще строительство.

Более того, снятие государственной экологической экспертизы позволит, особо не ограничиваясь природоохранными соображениями, интенсифицировать строительство нефте- и газопроводов, объектов капитального строительства и железнодорожной инфраструктуры. Тем самым упрощается, к примеру, строительство объектов, обеспечивающих расширение пропускной способности сибирских транспортных систем для их стратегического разворота в Азию.

Конечно, снятие экологических ограничений власти объясняют (скорее себе, чем обществу) экономической целесообразностью, фактически военной ситуацией в стране, необходимостью поддержать бизнес и национальную хозяйственную систему в условиях противостояния «коллективному Западу». Это — ответ, как объясняют, на беспрецедентные санкции США и ЕС против РФ, влияющие на российскую экономику и курс рубля. Никто еще отменял французскую поговорку «*À la guerre comme à la guerre*» (на войне как на войне).

В июне 2023 года постпреды стран ЕС согласовали очередной пакет санкций против РФ. Страна их выдержит.

Но справится ли с ними многострадальная природа России? На рубеже XX—XXI веков экологи уже замечали отчетливый тренд на утрату равновесия естественных экосистем страны. Если биосфера утратит свои исторические параметры, то выживет ли жизнь на планете Земля — ведь в космосе ее еще не нашли?

...Когда-то Юнна Мориц увидела корову, которая «удрала с живодерни». И занялась не очень подходящим делом: «водку пьет с хозяином она». Я — за здоровый образ жизни, но эта драматическая история мне понятна...

По гамбургскому счету

На протяжении столетий человечеству предлагалось немало рецептов исторического выживания и позитивного развития цивилизации. И обычно к ним, этим рецептам, научное сообщество (а вслед — общественное мнение) относились полярно. А именно: одни страты глобального социума (меньшая их часть) рассматривали предлагаемые социальные доктрины конструктивного будущего как направление реальной социокультурной деятельности (готовы были за нее идти на баррикады и даже — отдать жизнь); другие — настроенные скептически (большая часть) не видели механизмов реализации, считая, видимо, что «лучше синица в небе» (сложившийся процесс развития), чем «журавль в небе» (перемены, могущие привести к успеху или довести до плахи).

Преодоление этой губительной традиции связано с феноменом человека — изменением «массового сознания» и «его природы». Но разве можно рассчитывать на реальное изменение природы человека: на замещение, скажем, фроммовского «иметь» на «быть»: отказаться от экспансии потребительства, выйти на уровень действительной рационализации отношения к биосфере, думать не только о сиюминутном, но и перспективном направлении бытия? Но если человечество не ответит реальными действиями на этот вопрос конструктивно, то в следующем столетии отвечать на него будет, возможно, и некому...

К началу третьей декады XXI века, особенно в условиях продолжающейся пандемии и специальной операции на Украине, очевидно, что первая половина текущего столетия будет далека от искомой «устойчивости», выходя на уровень нежеланной «турбулентности»: обострение экономических национально-региональных трендов; затруднения полноценного финансирования масштабных социально-экологических проектов; социокультурные диспропорции, обусловленные многочисленными миграционными потоками, и др. В результате ухудшения мировой экономической ситуации сохраняются негативные социально-экологические тенденции, не улучшаются качественные характеристики окружающей природной среды и качество жизни. Под вопросом оказались принятые планы реализации программ устойчивого развития ООН, Парижского соглашения по климату и многих других документов, подписанных членами мирового сообщества.

И в этом контексте реальность третьей декады XXI века подтверждает, кажется, основные тезисы Денниса Медоуза, сформулированные еще полстолетия назад. Возможно, впрочем, в данном случае «виноваты» действия божественных (и случайных) субъектов бытия — не было бы пандемии и расширяющейся неуклонно военной операции, то современная социально-экологическая ситуация в мире выглядела бы, вероятно, совершенно по-другому — в более отчетливом позитивном тренде.

Необходимо, естественно, время, чтобы современная цивилизация, преодолев турбулентный период, вышла на искомый линейный уровень развития национально-ре-

гиональных (и глобальной) социоприродных систем. К середине XXI века человечество, преодолев имманентные трудности, вернется, хотелось бы верить вслед за В. И. Вернадским, к полноценной реализации модели устойчивого развития цивилизации — баланса экономических, экологических и социокультурных процессов: иного просто не дано. В сущности, им предлагалось то, что спустя десятилетия, на рубеже 80—90-х годов XX века, в рамках мирового научного сообщества стало квалифицироваться как *sustainable development* (устойчивое развитие). В любом случае глобальный социум должен включить такой механизм деятельности, который позволил бы решать человеческие проблемы, не приводя к опасной деградации биосферы, не ухудшая качество социоприродных условий бытия, выводя цивилизацию в зону ноосферы.

И это — путь России в ее традиционно евразийской ипостаси как балансирующей между европейскими и азиатскими стереотипами. Однако если в прежние времена это условие осуществлялось на западнцентристских основаниях, то для XXI века, по крайней мере в его первой половине, предполагается балансирование с «восточным акцентом». И это будет фундамент национальной стратегии УР, устремленной в неизвестное будущее.

И быть может, прав Блок: «Да, скифы — мы! Да, азиаты — мы...» Блоковеды говорят: это — последний напечатанный его текст.

...По гамбургскому счету — ничья: в ближнесрочной перспективе — победа отдана профессору Медоузу, а дальнесрочной — академику Вернадскому. А окончательный вердикт вынесет историческое время, и в этом случае экологический прорыв цивилизации в будущее прибегут отмечать современники, пережившие ушедшую турбулентность бытия...

Литература

- Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991 — 271 с.
 Мировая экономика в период больших потрясений. М.: ИНФРА-М, 2022.
 Пантин В. И. Эпоха великих потрясений и перспективы России: 2025 год: перелом неизбежен. М., 2022.
 Потенциальные возможности роста российской экономики: анализ и прогноз. Научный доклад. М.: Артук Принт, 2022.
 Российское общество и государство в условиях глобальной многополярности. Социально-политическое положение России в 2022 году. М., 2023. — 549 с.
 Российская экономика в 2022 году. Тенденции и перспективы. М., 2023.
 Россия и мир: 2023. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз. М.: ИМЭМО РАН, 2022. — 130 с.
 Структурная модернизация российской экономики: условия, направления, механизмы. СПб.: Алетейя, 2022. — 276 с.
 Шваб Клаус. Covid 19. М., 2020.
 Экономика и экономическая политика в условиях пандемии. М., 2021.
 Climate change 2023: synthesis report. UNEP. 2023.
 Global Economic Prospects 2022.
 Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. Club of Rome, 2018.
 Limits and Beyond: 50 years on from The Limits to Growth, what did we learn and what's next? Club of Rome, 2022.
 Meadows D. H., Randers J., Meadows D. L., Behrens W. W. The Limits to Growth: A Report for the Club of Rome's Project on the Predicament of Mankind. Universe Books, 1972. — 211 с.